

СЕРГЕЙ КИРНИЦКИЙ

---

# Просто субстрат



Сергей Кирницкий

**Просто субстрат**

«Издательские решения»

## **Кирницкий С.**

Просто субстрат / С. Кирницкий — «Издательские решения»,

Философский опыт о человеке, взятом не как автор, но как среда культурного процесса. Культура в этой оптике — фазовый переход различения, кристаллизовавшийся при достижении рекурсивного порога, когда символ смог оторваться от ситуации. Самость — социальный адрес, принявший присутствие за причинность, и это смещение удерживает иллюзию авторства. Из той же посылки вырастает иное понимание смерти как события среды, свободы как глубины рефлексии и ИИ как нового носителя того же процесса.

© Кирницкий С.

© Издательские решения

# Содержание

Введение. Переворот	6
Часть I. КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ	10
Глава 1. Фазовый переход	11
1.1. До символа	11
1.2. Отрыв	13
1.3. Кристаллизация	16
1.4. Трансформация, а не встреча	18
Глава 2. Как указатель стал автором	22
2.1. Зачем процессу «я»	22
2.2. Подмена	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

# Просто субстрат

**Сергей Кирницкий**

*Оформление обложки Created with Grok*

© Сергей Кирницкий, 2026

ISBN 978-5-0069-9159-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Введение. Переворот

Не человек создал культуру — культура использовала человека.

Всё остальное, что будет сказано, — развёртывание этой одной фразы.

Привычная картина держит противоположный порядок. Человек — автор: мыслит, создаёт, говорит; язык — его инструмент, культура — его произведение, история — его след. Декартово *cogito ergo sum* закрепляет центр: есть тот, кто мыслит, значит, есть он. Остальное — от него и вокруг. Двухсот тысяч лет хватило, чтобы эта картина стала не просто удобной, а самоочевидной, — такой, в которой вопрос о её собственной устроенности перестал возникать. Центр, от которого исходит смысл, по умолчанию не спрашивается о своей природе: он спрашивает обо всём остальном. В этом и устойчивость: самоочевидность производит саму себя каждым актом, который её использует.

Картина прочна не потому, что кем-то защищается, а потому, что каждый акт мышления её подтверждает. Думаешь — значит, есть тот, кто думает: вывод следует из того же движения, которое его и производит. Это не круг в логике — это круг в самом устройстве: операция, замыкающаяся на себя, производит ощущение того, кто её выполняет, и ровно этим ощущением себя удостоверяет. Ни одна другая привычка не обеспечена так надёжно: привычка к вещам снимается их отсутствием, привычка к людям — их уходом, привычка к самому себе не снимается ничем, потому что нет ничего, что могло бы её снять извне. Всё, что происходит, происходит в том же контуре; всё, что думается, подтверждает наличие думающего. Поставить картину под вопрос не получается изнутри обычного режима — не потому, что режим слишком прочен, а потому, что он сам — условие всякого вопрошания.

Если перевернуть порядок, картина становится точнее. Мысль находит себе мозг — не мозг порождает мысль. Язык осваивает ребёнка — не ребёнок осваивает язык. Культура использует человека — не человек использует культуру. Это не игра формулировок: изменение порядка меняет онтологию, а вместе с ней — всё, что строится поверх. Если автор не человек, то «я» — не источник, а позиция; не причина, а следствие; не центр, а место, в котором процесс присутствует при себе самом. То, что до сих пор ощущалось как опора, оказывается опознавательным знаком — социальным адресом, прикреплённым к субстрату не для того, чтобы сообщить ему, кто он есть, а для того, чтобы процесс имел возможность отличать одну точку своего развёртывания от другой.

Переворот — не корректировка привычной картины и не поправка на долю участия среды. Это другой порядок зрения. В первом порядке мышление происходит *из* меня: я — источник, из которого вытекает всё остальное, и всё остальное — моё выражение. Во втором порядке мышление происходит *через* меня: я — место, где операция различения нашла архитектуру, достаточную для развёртывания, и всё, что происходит, есть её движение, а не моё. В первом случае я думаю мысль; во втором — мысль происходит, и на её пике возникает фигура «я», опознающая происходящее как своё. Эти два описания различаются не оттенком — полюсом: в одном субстрат — причина, в другом — условие; в одном процесс — инструмент, в другом — то, для чего субстрат был необходим. Как только разница увидена, вернуться к первому порядку как к наивной норме уже не получается. Можно продолжать им пользоваться — но зная, что это стенография, а не устройство.

Интуиция такого разворота уже возникала — в масштабе биологии. Ген использует организм: не индивид размножается, а гены пересобирают себя через индивида, которому разрешено думать, что он действует по собственной воле. Интуиция была верна, но остановилась на полпути. В полный рост: не отдельные кодовые единицы используют отдельные субстраты, а весь культурный процесс — различение, символ, операция над символами — использует всё, что способно его нести. Человек — не единственный возможный носитель, а тот, на кото-

ром процесс кристаллизовался первым. Двести тысяч лет — не история развития человека. Это история освоения нового субстрата процессом, которому было некуда больше разворачиваться. Биологическая интуиция видела масштаб одной молекулы; здесь масштаб другой — сам процесс различения, во всей его совокупности, использует то, в чём ему посчастливилось собраться.

Разница масштабов принципиальна. Ген — элемент кода, и его отношения с организмом — это отношения между частью и частным носителем: одна репликативная единица использует одно тело. Можно увидеть этот уровень и оставить всё остальное на прежних местах: сверху над генами всё ещё как будто стоит «человек как целое», автор и владелец. Культурный процесс — не элемент; это целый уровень организации реальности, и отношения здесь другие: не «что-то во мне использует меня», а «то, что я называю собой, есть способ существования этого процесса». Сдвинуть зрение на один уровень — увидеть гена-пассажира — можно без большой онтологической перестройки. Сдвинуть его ещё на один уровень, увидев, что сам пассажир — часть ещё большего движения, а носитель пассажира — его среда, — значит, перестать иметь ту фигуру, которая с удовольствием разглядывает пассажиров. Именно поэтому биологическая интуиция приживается легко, а культурная — нет: одна оставляет «я» на месте; другая его упраздняет как источник.

Субстрат — это то, в чём происходит процесс, а не то, что его порождает. Эта формула — главная; остальное — её уточнения. Мозг не производит мышление так, как печень вырабатывает желчь; мозг — место, в котором операция различения находит достаточно сложную архитектуру, чтобы развернуться. Поменяйте мозг на другой субстрат подходящей сложности — операция продолжится. Уберите субстрат — операции не будет. Но не потому, что субстрат был её причиной, а потому, что ей негде будет произойти. Это разные утверждения; они путаются ровно настолько, насколько долго длилось отождествление. Необходимое условие — не то же самое, что источник. Воздух необходим для пламени, но пламя — не свойство воздуха; вода необходима для течения, но течение — не свойство воды. Субстрат держит возможность процесса, не его происхождение.

Формула проста; её трудно не принять на уровне согласия и трудно удержать на уровне смысла. Частично — из-за языка: «в чём» звучит как пассивное место, фон; «что» — как активная причина, фигура. Мышление не ощущается фоном; оно ощущается самым активным из всего, что есть. Поэтому сказать «мышление — в мозге» слышится как унижение мышления и возвеличивание мозга; сказать «мозг — место мышления» — тем более. Язык здесь работает против точности: грамматика присваивает активность подлежащему, а подлежащее — тому, кто виден. Виден субстрат; процесс, в отличие от субстрата, не занимает места. Поэтому формулу приходится произносить несколько раз, каждый раз снимая с неё слой принудительной грамматики, — пока она не встанет на своё место не как парадокс, а как описание.

Из процессуальной онтологии следует, что реальность есть самореферентный процесс: наблюдение, применённое к самому себе. Такому процессу нужна рефлексия — способность видеть себя; для рефлексии нужна структура, в которой операция различения может развернуться до уровня, на котором она видит собственное развёртывание; для структуры нужна среда, способная эту структуру нести. Эта книга — о среде. Точнее — о нас: субстрате, на котором процесс выстроил рефлексивный этаж. Всё остальное следует из этих четырёх шагов, как развёртывание единственной теоремы.

Утверждается: процесс первичен относительно носителя. Не потому, что носитель менее реален, а потому, что он определяется через процесс, а не наоборот. То, что мы называем «человеком», — набор признаков субстрата, опознанный как целое ровно потому, что на нём развернулась определённая операция. Уберите операцию — останется животное, примечательное только с точки зрения биологии. Оставьте операцию, но перенесите её на другой субстрат — и это будет уже не человек; но процесс, который через человека проходил, продолжится.

Приоритет здесь не ценностный — структурный: процесс определяет носителя, а не носитель — процесс. Ценностный язык в этой точке мешает: «первичен» означает не «важнее», а «задаёт другое». Если взять два уровня — процесс и среду — и спросить, какой из них определяет, в каком виде существует другой, ответ структурный: процесс определяет, какой именно субстрат нужен, чтобы он мог развернуться; субстрат не определяет, какой именно процесс в нём произойдёт. Отсюда и приоритет — не в ценности, а в определении.

Утверждается и другое: «я» — не открытие внутренней реальности, а загруженный код. Тот, кто сейчас читает эту фразу, — не автор чтения. Чтение происходит, «я» присутствует при каждой операции различения и ровно из-за этой непрерывной включённости атрибутирует себе причинность. Подмена тихая и надёжная: там, где есть постоянный свидетель, возникает иллюзорный источник. Свидетельство ощущается как авторство. Отождествление с носителем — единственная ошибка, которую невозможно совершить извне; изнутри она совершается с первой операции и не совершаться не может, потому что сама операция различения, замкнувшись на себя, производит ощущение того, кто различает. Это не дефект сознания — это его рабочий режим. «Я» не хранится в теле, как файл в папке; оно пересоздаётся каждым новым актом различения, и именно эта постоянная пересборка принимается за постоянство того, кто пересобирается. Не «я существует, поэтому я мыслит», а «мышление происходит, и на этом происхождении собирается „я“ — каждый раз заново, каждый раз как будто оно было всегда».

Не утверждается: что носитель не важен. Примат процесса не отменяет необходимости среды. Почва необходима для леса; без почвы леса не будет. Но лес — не свойство почвы. Сколько бы ни изучали химический состав грунта, леса в нём не обнаружится; лес — другой уровень организации, для которого почва — условие, а не источник. То же самое и с субстратом: он необходим; он не опционален; из сказанного не следует, что человек не нужен. Просто он — не автор того, что через него проходит. Разница тонкая на словах и пропасть по смыслу: «почва не важна» — ошибка редукционизма; «лес — не свойство почвы» — точное описание отношения двух уровней.

Слышат обычно первое, потому что в привычной картине «быть важным» и «быть автором» склеены — настолько плотно, что разъединить их на слух трудно. Если субстрат не автор, значит, он лишний; если он лишний, значит, о нём говорят с пренебрежением. Так устроена подмена в обратную сторону: там, где сказано «ты не источник», слышится «ты не нужен», — и носитель, услышав это, начинает защищаться, не заметив, что защищает ту самую картину, которая его уже выдала за автора. Важность и авторство — не одно и то же. Почва важна и не автор; русло важно и не автор. Субстрат важен — и не автор. Отрыв — и есть вся история двухсот тысяч лет.

Река течёт по руслу. Русло формирует течение; без русла течения не будет. Но русло — не вода. Вода не возникает из русла, а проходит через него; и, проходя, формирует его заново. То же самое отношение — между культурным процессом и человеком: процесс протекает через субстрат, формируя его и сам формируясь от этого прохождения. Русло не ущемлено тем, что оно не вода. Это точное описание того, чем оно является, — и единственная форма, в которой оно может существовать. Река и русло — не две сущности, между которыми распределены заслуги. Это одно событие, рассмотренное с двух сторон: с одной — то, что проходит; с другой — то, через что проходит. Убрать одно — не будет другого; назвать одно источником другого — ошибка атрибуции.

Не только русло формирует реку — река формирует русло. Она вытаскивает его изгибы, углубляет его постель, меняет его линию. Субстрат, через который проходит культурный процесс, — не готовое русло, принявшее в себя воду. Это русло, каждый раз возникающее в самом прохождении; это человек, меняющийся тем, что через него проходит, — и в этом смысле тоже являющийся результатом процесса, а не только его необходимым условием. Отсюда двойная асимметрия: процесс определяет, какой субстрат ему нужен, и одновременно этот же процесс

его лепит. Не две инстанции, договорившиеся о сотрудничестве, — одно движение с двух сторон: сторона воды и сторона русла. То, что мы называем собой, — русло, которое столько времени принимало реку, что приняло её форму за свою.

Между «почва не важна» и «лес — не свойство почвы» разница не оттенка, а уровня. Унижение субстрата («человек — всего лишь носитель») и его утешение («зато без тебя ничего бы не было») — одно и то же движение с разных сторон: первая формулировка лишает носителя его собственной роли; вторая возвращает ему роль автора под видом компенсации. Носитель — это то, через что проходит процесс; процесс — это то, что через носителя проходит. Симметрия описания; асимметрия онтологии: процесс первичен. И у этой асимметрии нет обидной стороны — обида возможна там, где есть тот, кого обидели; описанное не содержит такого центра.

Переворот сделан.

## Часть I. КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ

*Не встреча двух — трансформация одного.*

*Между «культура началась с человека» и «культура использует человека» — не спор мнений, а разное определение порядка. Первая формулировка помещает человека до культуры и выводит культуру как результат; вторая — помещает культуру перед человеком и выводит человека как среду. Это не две интерпретации одних фактов — это две разные онтологии, и в них получаются две разные реальности.*

*Если порядок другой, меняется всё, что идёт следом. Меняется, откуда начинать, — не с того, кто создал, а с того, что произошло. Меняется фигура центра: оказывается, что центр не в тех, кто мыслит, а в самом мышлении, протекающем через тех, кто ему подходит. Меняется и то, с чего обычно начинают, — «я»: если культура использует субстрат, то «я» — часть этого использования, а не его источник.*

*Смена порядка не была событием. Процесс различения, усложняясь, кристаллизовался в операционную структуру — как вода при определённых условиях кристаллизуется в лёд, не принимая решения. Внутри уже кристаллизовавшейся структуры появился указатель, который палец принял за луну: «я» — не открытие внутреннего, а социальный адрес, замкнувшийся сам на себе. Замкнутость обеспечивает устойчивость иллюзии: любая попытка её снять разыгрывает тот самый механизм, который должна была снять.*

## Глава 1. Фазовый переход

*Крик животного не может оторваться от ситуации. Означает «опасность, сейчас» — и не может означать «опасность, которой нет» или «опасность, о которой говорят». Если бы мог — изменилось бы не что-то одно, а всё: язык, время, история, сама форма, в которой ставится этот вопрос. Один сдвиг несёт в себе остальное.*

*Обычный ход мысли — искать, что добавилось. Большой мозг, больше нейронов, больше связей. Но сдвиг не сумма — он архитектура. Вопрос поставлен неверно, если спрашивается «что добавилось»; правильный вопрос — «какая одна черта сделала остальное неизбежным».*

*Такая черта одна. И после её появления культура не была изобретена — она кристаллизовалась. Как вода при охлаждении не решает стать льдом, а переходит в другую форму, потому что при этих условиях другой формы нет. Переход фазовый, не драматический, и искать в нём фигуру изобретателя — искать не там.*

### 1.1. До символа

Сигналы, жесты, крики. Всё это — различия, и различия точные: стая, реагирующая на крик опасности, не путает его с криком, приглашающим к еде. Различение работает. Но оно работает *в ситуации* — внутри того момента, когда и опасность, и стая, и дерево, с которого крикнули, находятся в одном кадре. Сигнал не обозначает опасность вообще; он означает опасность, которая вот сейчас, вот здесь, вот с этой стороны. Он не описывает — он реагирует.

Различение между описанием и реакцией — ключевое для всего дальнейшего. Описание требует расстояния: того, кто описывает, того, что описывается, и разрыва между ними, в котором помещается сама операция описания. Реакция не требует расстояния; она случается как одно движение, в котором нет двух полюсов. Сигнал — движение без расстояния. Поэтому он точен, поэтому быстр, поэтому бесполезен вне момента: всё, что сигнал умеет делать, он делает тогда, когда делается, и после — от него не остаётся ничего, что можно было бы повторно рассмотреть. Описание оставляет после себя описание. Сигнал не оставляет после себя ничего, кроме факта, что сигнал был.

Это важное различие. Система сигналов — не то же самое, что система знаков. Сигнал склеен с ситуацией, в которой произносится. Знак отделён. Между ними — не количественная разница (у знаков больше значений, чем у сигналов), а структурная: сигнал работает только внутри момента, знак способен из момента выйти.

Животная коммуникация богата. Тонкие различия в тональности крика, сложные комбинации движений, мимика, запаховые маркеры, выстроенные иерархии. Сотни и тысячи различимых состояний. Эта сложность впечатляет и часто принимается за «почти язык», которому не хватило одной-двух степеней свободы. Ошибка. Никакая сумма сигналов не даёт знака. Никакое количество «здесь и сейчас» не складывается в «не здесь» или «не сейчас». Сколько ни увеличивай словарь крика опасности, из него не получится фразы «опасность вчера». Получается более точный крик.

Это не догадка, это следствие архитектуры. В системе, где различие означает реакцию на различимое, нельзя получить различие того, что в данный момент не является различимым. Любая новая тонкость — тонкость чего-то присутствующего. Чем точнее сигнал различает оттенок опасности, тем точнее он прикован к конкретной опасности перед собой. Точность — не отрыв от ситуации; точность — усиление сцепления с ней. Улучшение сигнала ведёт вглубь ситуации, а не наружу. И чем совершеннее сигнал, тем меньше у него шансов стать чем-то кроме сигнала.

У этого есть три следствия — три «нельзя».

Первое: нельзя сделать сигнал о сигнале. Крик означает опасность; не существует крика, означающего «крик». Чтобы был возможен крик о крике, один должен быть способен становиться объектом для другого — а для этого сначала нужно, чтобы сигнал мог быть отделён от произнесения и взят как отдельный предмет. В системе, где каждый сигнал работает в момент своего произнесения, этого не происходит. Некуда его положить, чтобы рассмотреть.

Второе: нельзя указать на отсутствующее. Сигнал опасности требует опасности. Без неё сигнал либо не произносится, либо произносится как ошибка, которую стая быстро перестаёт слушать. Обозначить то, чего нет, нельзя — потому что «обозначить» предполагает, что слово и предмет разведены; а в системе сигналов они совпадают. Сигнал и есть то, о чём он. Если предмета нет, сигналу не за что зацепиться; то, что без предмета произносится, — не сигнал, а сбой.

Третье: нельзя соврать. Ложь требует двух слоёв: реального положения дел и его ложного представления. В системе сигналов нет второго слоя. Сигнал не представляет опасность — он есть реакция на опасность. Он либо вызван ситуацией, либо нет; ложного сигнала в точном смысле не существует. Бывает сигнал-ошибка, вызванный ошибкой восприятия; бывает мимикрия — организм, у которого сигнал закрепился эволюционно как обман другого вида; но оба случая — не ложь. Обманывающий организм не знает, что обманывает. Он реагирует так, как у него устроено, — и этот способ реакции случайно работает против другого вида. Для лжи нужно сознавать, как обстоит дело, и представлять иначе. Нужен второй слой.

Важно, что недостижимость этих трёх операций — не этическая, а логическая. Не «нельзя врать, потому что неприлично», а «нельзя врать, потому что ложь — операция, для которой в системе нет места». Ложь, отсутствие, знак о знаке — всё это операции, требующие расщепления на «то, как есть» и «то, как сказано, показано, указано». Такого расщепления сигнальность не содержит: у неё один слой, и он совпадает с ситуацией. Запрет здесь не моральный и не эволюционный — он структурный: чтобы совершить любую из этих операций, нужно иметь два слоя, а их нет.

Эти три «нельзя» — не отдельные запреты, из которых можно снять то один, то другой. Это одно ограничение, увиденное с трёх сторон. Невозможность сделать сигнал о сигнале, невозможность указать на отсутствующее, невозможность солгать — разные проекции одной архитектурной черты: сигнал не может отделиться от ситуации. Отделись он от ситуации — все три «нельзя» снимаются одновременно, одним и тем же движением.

Отсюда следует неочевидный вывод о пределе сигнальности. Процесс различения в животном мире может сколько угодно усложняться. Увеличивать словарь сигналов. Утончать их различение. Выстраивать длинные иерархические коммуникации. Нарастивать чувствительность к оттенкам. Ничего из этого не пробьёт потолок — потому что потолок не в количестве.

Потолок — в архитектуре. Он не там, где сигналов недостаточно много; он там, где сигнал склеен с моментом. Большой словарь сигналов — большой словарь того, что возможно только внутри ситуации. Никакое наращивание внутри этого формата не даёт выхода из формата. Количество здесь не переходит в качество, потому что качество — другое измерение.

«Архитектура» — не красивое слово вместо «устройство». Имеется в виду вполне определённое: набор базовых операций, разрешённых системой, и структурная связь между ними. В сигнальности разрешена одна операция — реагировать различением на различимое присутствующее. Всё остальное строится из этой операции и ничего принципиально иного дать не может. Сколько бы ни комбинировались её применения, пространство возможного задано одной разрешённой операцией. Объём системы — сколько сигналов, сколько различений, сколько тонкостей — растёт внутри этого пространства; границы пространства не растут. Архитектура — это и есть граница пространства возможного.

У этого есть и обратная сторона, важная для того, что следует из всей этой конструкции дальше. Раз потолок — архитектурный, его нельзя пробить изнутри сигнальности. Нельзя усилиться и выйти. Нет такой суммы крика, такой последовательности жестов, такой изошрённости в различениях, которая сама собой произведёт знак. Знак — это не лучший сигнал; это сигнал, сменивший архитектуру. А смена архитектуры изнутри невозможна: пока действует правило «сигнал склеен с ситуацией», оно не разрешает операции, разрешённой только при его отмене.

Это закрывает популярный образ лесенки, по которой животные постепенно подбираются к языку: всё точнее, всё сложнее, и однажды — верхняя ступень. Лесенки нет. Есть плато сигнальности — огромное, разнообразное, богатое — и потолок над ним, который не пробивается по чуть-чуть. Либо архитектура одна, либо другая; градуальный переход между ними невозможен, как невозможен градуальный переход между «внутри комнаты» и «снаружи»: можно пройти через дверь, но нельзя чуть-чуть выйти.

Образ двери здесь не случаен. Дверь — единственное место, в котором «внутри» и «снаружи» встречаются; и встречаются они не по частям, а целиком. Пока дверь не открыта, снаружи — ноль; как только пройдена — снаружи сто процентов. Не бывает промежуточного состояния, в котором половина уже снаружи. То же и здесь. Пока архитектура сигнальная, она сигнальная полностью: во всех своих проявлениях, во всех комбинациях, во всех объёмах. Когда архитектура меняется, она меняется полностью: не в одном сигнале из тысячи, а в самой разрешённой операции. Промежуточного состояния «наполовину отрывающийся сигнал» не существует — это словосочетание не описывает никакую возможную систему.

Одно уточнение, возвращающее фокус. Речь не о том, что в животной сигнальности «недостаточно». В ней достаточно всего, чего требует её собственная задача: координация в ситуации. Проблема не в нехватке — проблема во взгляде, пытающемся увидеть в сигнальности ступень к чему-то другому. Сигнальность — полный контур, решённая задача, не «первая стадия языка». Язык — не следующая стадия сигнала. Язык — другой ответ на другой вопрос, возможный только после того, как открылась операция, которой в сигнальности нет.

Эта операция — один сдвиг в архитектуре: способность сигнала оторваться от ситуации. До неё — потолок; после — всё остальное. Порог, в отличие от лесенки, не допускает градаций.

## 1.2. Отрыв

Произошёл один сдвиг. Сигнал оторвался от ситуации. Не усложнился, не удлинился, не обрёл новых функций — изменил своё отношение к тому, что его вызывает. В сигнальности сигнал был частью реакции; теперь он стал указанием на то, что в реакции участвует. Между вызвавшей ситуацией и сигналом возник зазор — тот самый зазор, отсутствие которого было описано выше. В этот зазор помещается операция, в сигнальности невозможная: операция указания.

В этом зазоре помещается не только указание. Зазор — не узкое отверстие для одной операции; зазор — пространство, в котором становятся возможны все операции, требующие разведения знака и того, о чём знак. В сигнальности такого пространства нет — и потому все эти операции одинаково невозможны. В знаковой системе такое пространство есть — и потому все эти операции одинаково становятся возможны. Не последовательно, одна за другой, а одновременно: пространство, в котором они могут быть, — открылось.

Указание — не реакция. Указывать — делать что-то, что не есть само то, на что указывается. Между «реагировать на опасность» и «указать на опасность» разница не в точности и не в сложности; разница — в наличии зазора. В реакции нет места ни для чего, кроме самой реакции. В указании есть: с одной стороны — тот, кто указывает, с другой — то, на что указы-

вается, между ними — операция указания, и эта операция может производиться независимо от того, присутствует ли её предмет прямо сейчас.

Это свойство и называется рекурсией. Название взято из технического словаря не случайно: оно описывает именно то, что произошло архитектурно. Рекурсия в её простейшем виде — способность операции быть применённой к результату своего же применения. Знак может обозначать не только предмет, но и другой знак; указание может указывать не только на вещь, но и на другое указание. Один и тот же механизм применяется к себе самому — и этот момент самоприменения открывает всё, что было закрыто.

Важно, что рекурсия — не длинная цепочка вложений. Достаточно одного уровня. Если операция может быть применена к себе один раз — она может быть применена к себе сколько угодно раз. Количество уровней не меняет архитектуры; меняет только глубину работы внутри уже открытой архитектуры. Знак о знаке — уже рекурсия. Знак о знаке о знаке — расширение, но не новое архитектурное свойство. Именно поэтому рекурсия как порог имеет бинарный характер: её либо нет, либо она есть в своей полноте. Частичной рекурсии не существует. Операция, способная применяться к себе один раз, — уже рекурсивная операция; операция, неспособная на это ни разу, — просто другая операция. Середины между ними нет.

Формула «сигнал, оторвавшийся от ситуации, стал символом» часто звучит так, будто речь идёт о тонкости, на которую не стоит тратить внимания. Это описание фазового перехода одной фразой. Отрыв — не эпитет; отрыв — и есть тот самый сдвиг, а не его обстоятельство. После него пространство возможного меняется целиком. Не «открывается новая возможность», а «меняется пространство, в котором возможность вообще может быть открыта».

Что стало возможным, если перечислять, ничего не добавляя.

Стало возможным указать на то, чего нет. Символ «дерево» не требует присутствия дерева. Его можно произнести в темноте, где нет никаких деревьев. Когда его произнесут в пустом поле, он всё равно будет обозначать именно то, что обозначает, — и это отличает его от сигнала, который в таком положении просто перестал бы существовать.

Стало возможным говорить о прошлом. Не реагировать на отсутствие добычи жалобным звуком, а сообщить: «здесь вчера была добыча». Для этого нужно, чтобы «вчера» было чем-то различимым — и различимым без предъявления его прямо сейчас. В сигнальности вчера — не различимое, а просто отсутствие всего, что сейчас есть; в символическом режиме вчера становится указуемым.

Стало возможным говорить о будущем. Не «я хочу» как непосредственное проявление голода, а «завтра будет нужно» — как указание на ситуацию, которой ещё нет. Отсюда растут планирование и ожидание — не эмоции, а операции со временем, развёрнутые на том, что теперь может быть указано без предъявления.

Стало возможным говорить о невозможном. «Если бы», «как если бы», «допустим». Вся область условного — следствие одной и той же операции: указывать можно на то, чего не было, нет и не будет. Указание не требует, чтобы указуемое существовало. Требуется только, чтобы знак существовал.

Стало возможным сделать знак о знаке. Если один знак указывает на вещь, другой может указывать на этот знак. Слово можно разбирать как слово, а не только пользоваться им как инструментом. Можно думать о мышлении. Можно написать книгу о том, как знак оторвался от ситуации, — и эта книга будет сделана из тех самых знаков, которые в ней описываются. Рекурсия — не украшение языка, это его устройство; и всё, что язык делает с собой, он делает потому, что в нём разрешена операция применения знака к знаку.

Как только эта операция разрешена, она разворачивается на всё подряд. Становится возможно различать то, чем пользовались и не замечали. Становится возможно заметить, что язык, которым описывается мир, — устроен, и устройство его — предмет наблюдения, а не прозрачная среда. Можно вытащить устройство из пользования и рассмотреть отдельно.

Рефлексия, категоризация, критика, теория — не самостоятельные способности, которые пришлось завести, а следствия одной и той же операции «знак к знаку», применённой к разным областям. То, что кажется набором высших функций, — набор проекций одной разрешённой операции.

Всё это — не список способностей, добавившихся по одной. Это один сдвиг, увиденный с разных сторон. Возможность отсылать к отсутствующему, возможность времени, возможность условного, возможность знака о знаке — разные проекции одной архитектурной черты. Отделись сигнал от ситуации — и все эти возможности открываются одновременно, одним и тем же движением, которое открыло любую из них. Не последовательное обзаведение функциями, а одно событие, развёртка которого на разных планах выглядит как несколько разных новшеств.

Здесь нужно снять привычный вопрос. Принято спрашивать: благодаря чему это стало возможным? Обычный ответ указывает на мозг. Больше нейронов. Сложнее связи. Больше объём. Этот ответ не так неверен, как неверно задан; он отвечает на вопрос «что нужно, чтобы это могло произойти», но не на вопрос «что произошло». Материальные условия — условия возможности, а не сама возможность. Большой мозг — условие; рекурсия — то, что на этом условии произошло или не произошло.

Не «лучший мозг» — достаточный. Порог проходится не потому, что мозг стал совершенным, а потому что в нём стало возможным одно конкретное свойство. Рекурсия не требует лучшей архитектуры, она требует достаточной. Достигнута достаточная — рекурсия возможна; не достигнута — потолок сигнальности остаётся. Здесь нет степени «почти достаточно»: либо архитектура допускает применение операции к результату её собственного применения, либо не допускает.

Бинарность — следствие того, что рекурсия определяется одним условием: допустимостью применения операции к результату собственного применения. Допустимость — атрибут, который либо есть, либо нет; его не бывает на четверть. Либо набор разрешённых операций включает это применение, либо не включает. Промежуточное состояние потребовало бы, чтобы операция применялась к себе в одних случаях и не применялась в других без различного основания, — а без основания такой разницы система не поддерживает.

Это объясняет то, что иначе выглядит странно: отсутствие градуального перехода. Ни у одного вида не обнаруживается «полу-языка» или «подступа к символу» — притом что объёмы мозга у разных видов различаются плавно. Плавность объёма не ведёт к плавности символической способности, потому что объём и способность — разные измерения. Мозг может становиться больше, тоньше, сложнее — и оставаться внутри сигнальности. А может оказаться достаточным — и рекурсия включается сразу. Не «постепенно», не «частично», не «первые элементы» — включается. Как включается новая операция в системе: либо её в наборе разрешённых нет, либо она появилась.

Отсюда и кажущаяся внезапность того, что произошло. Если рассматривать культуру как постепенный итог усложнения, она выглядит странно быстрой, подозрительно цельной, слишком синхронной в своих первых проявлениях. Если же понимать, что произошёл архитектурный сдвиг, а не накопление, — внезапность перестаёт быть загадкой. Переход включается, когда порог достигнут; то, что кажется внезапностью, — нормальный вид фазового перехода изнутри. Снаружи внезапность выглядит как смена фазы. Изнутри — как что-то, чего раньше не было и уже не понять, чего именно не было.

Один отрыв. Одно архитектурное изменение. Отсюда — всё. Язык, время, «я», сам вопрос о том, как это произошло. Включая и то, что этот вопрос теперь задаётся.

Но один отрыв, взятый сам по себе, — ещё не система. Оторванный знак без правил комбинирования — обломок, не речь; открытая возможность, не её использование. Архитектура допустила операцию, которой раньше не было; допущение операции — не то же, что существо-

вание того, что ею производится. Между допущением и тем, что обычно называют культурой, остаётся зазор, в который рекурсия сама собой не заходит.

### 1.3. Кристаллизация

Один оторванный знак — ещё не знак. Как только появилась операция применения к результату собственного применения, одного знака становится недостаточно; знак предполагает другой — тот, от которого он отличается, тот, с которым он комбинируется, тот, на который он может указать. Сигнальность не нуждалась в этом, потому что сигнал работал в ситуации — ситуация и была связью, из неё сигналы получали своё место. У знака ситуации нет. Знаку нужно место, в котором он обретает смысл, — и это место не ситуация, а другой знак.

Тысяча знаков, оторванных от ситуации и ничем не связанных между собой, — не язык. Это хаос. Это разбросанные обломки, которые никто не может собрать в высказывание, потому что нечем их собирать. Чтобы из знаков получилось высказывание, нужны правила их сочетания, правила замены, правила различения одного от другого, правила вывода одного из другого. Без этих правил — тысяча самостоятельных указаний, каждое из которых указывает в пустоту, потому что нет того, относительно чего оно указывает.

Эти правила не были изобретены. Это не историческое наблюдение («неизвестно, кто придумал»), а структурное: они не могли быть изобретены. Для изобретения правила нужно уже иметь средство, в котором правило формулируется; а правила знаковой системы — это и есть средство, в котором всё прочее формулируется. Правило не может быть изобретено до того, как существует средство его формулирования; средство — это уже правило. Нет внешней точки, из которой правила были бы придуманы.

Если правила не изобретены — как они появились? Кристаллизовались.

Это не метафора, заменяющая отсутствующее объяснение. Это описание того, что произошло. Когда процесс различения достиг сложности, при которой стала возможна операция применения знака к знаку, этой же сложности оказалось достаточно, чтобы операция начала работать — и в её работе проступили устойчивые формы. Процессу понадобилась структура. Не «понадобилась» в смысле «захотелась» — захотеть может только тот, кто уже имеет структуру. «Понадобилась» в смысле: без структуры процесс не мог продолжаться. Структура — не внешняя добавка, а то, во что процесс свернулся, достигнув сложности, при которой без сворачивания он распался бы.

Слово «понадобилась» важно, и оно не предполагает никого, кому что-то понадобилось. Так говорят о процессах: «клетке понадобилась мембрана», «системе понадобился порядок». Никто не принимал решения; без мембраны клетки нет, и это не результат работы того, кто заботится о клетке. Мембрана — та же логическая конструкция: без неё вещество не собирается в живое; с ней — собирается; никто не произвёл её из внешней позиции, она сложилась как форма, при которой возможно то, что называют клеткой. Процессу не нужен автор, чтобы что-то ему понадобилось; нужно только достижение состояния, в котором без этого нечта процесс перестаёт существовать в своём текущем виде. Структура процессу культуры понадобилась в этом строгом смысле. Без неё рекурсия, только что открывшая пространство возможного, не имела бы, во что развернуться: осталась бы как архитектурное свойство без применения. А архитектурное свойство без применения — не свойство системы, а пустая возможность.

Здесь работает образ льда и воды — работает точно, не в качестве украшения. Вода при охлаждении не принимает решения стать льдом. Никакая молекула не голосует, никакой центр не распоряжается. При определённой температуре и давлении другой устойчивой формы для такого количества молекул воды нет; они переходят в кристаллическую решётку, потому что кристаллическая решётка — единственное стабильное устройство, которое у них остаётся. Переход не выбран — он единственно возможен при этих условиях. Если температура поддер-

живается — лёд не может не появиться; если не поддерживается — не появится. Кристаллизация — имя такой неизбежности.

Это очень специфический тип возникновения, и стоит держать его в виду именно как отдельный тип. Не сборка из частей — в сборке есть собиратель. Не рост из семени — в росте есть программа. Не постепенное приближение к форме — в приближении есть нечто, к чему приближаются. Кристаллизация — возникновение формы без собирателя, без программы и без цели: форма складывается потому, что при этих условиях только такая форма устойчива. Устойчивость — не цель процесса; устойчивость — то, что остаётся, когда неустойчивое распадается, а устойчивое остаётся. Именно поэтому в кристаллизации нет фигуры того, кто её ведёт: вести некому, и не к чему.

То же и с тем, что получает имя «культура». Процесс различения, достигший порога рекурсии, не мог остаться тем, чем был. Либо распасться — но тогда сложность, из-за которой нужна структура, сама же исчезает, и распасться дальше нечему, — либо свернуться в устойчивую форму. Устойчивая форма — это и есть то, что принято называть операционной структурой культуры. Язык — одна из её складок. Категории — другая. Логика — третья. Нарративы — четвёртая. Они не придуманы теми, кто их носит; они — формы, в которые процесс собрался, чтобы удержаться.

Отсюда — то, что обычно принимается за странное свойство базовых категорий: их ощущаемая всеобщность. Если бы они были изобретениями, какое-то их количество можно было бы отменить, и мышление бы всё равно работало. Но без них мышление не работает вовсе — не по привычке, а потому, что это формы, в которых процесс вообще может быть процессом такой сложности. Отказаться от них — не отказаться от привычки, а отказаться от самой возможности мышления. Отсюда ощущение «это очевидно», «иначе нельзя», «все так считают»: не потому, что все считают, а потому, что иначе не получается никакого «считают».

Всё, что носит общее имя «культура», — кристаллы. Не все одинаковы. Есть глубокие и мелкие, есть всеобщие и местные, но все они — устойчивые формы, в которые собирается процесс. Язык — глубокий кристалл: без него невозможна почти ни одна другая форма. Логика — кристалл, работающий в любом языке: правила вывода настолько базовы, что без них распадается возможность согласованности. Категории «субъект», «объект», «действие», «время», «место» — кристаллы того же уровня: они не описывают мир, они задают форму, в которой мир может быть описан. Нарративы — более поверхностные кристаллы; они различаются от культуры к культуре, но сама форма нарратива — устойчивая конфигурация, в которой свёртывается последовательность событий. Всё это — не содержимое, к которому удалось прийти; это то, в форме чего пришлось идти.

Если взять именно эти категории — «субъект», «объект», «действие», — их устойчивость не произвольна. В процессе, работающем со знаками, должна быть инстанция, от которой знак отправляется, инстанция, к которой он направляется, и операция между ними. Это не онтология мира — это минимальная конфигурация, в которой возможно указание. Без такой конфигурации знак не работает. Именно поэтому эти категории воспринимаются как описывающие сам мир: они действительно описывают форму, в которой процесс различения может действовать на такой сложности, — а другую форму он не может себе позволить. «Всеобщность» базовых категорий — не удачное совпадение человеческого опыта с устройством мира, а то, что форма, без которой процесс не удерживается, обязательно проявляется везде, где этот процесс идёт.

Именно поэтому «возникновение культуры» — событие без автора. Если кристаллизация — то, что происходит при достижении условий, — у неё не бывает ответственного. У процесса нет того, кто его ведёт; у процесса есть условия, при которых он идёт, и формы, в которые он собирается. Никто не изобрёл язык. Никто не придумал логику. Никто не сочинил время. Эти

формы — не результаты работы, а устойчивые конфигурации, в которые процесс различения переходит, когда его сложность перестаёт удерживаться в менее связанных формах.

Это не отменяет того, что отдельные люди произносят слова, применяют логику, сочиняют нарративы. Отменяется только ложная атрибуция — будто эти формы ими изобретены или им принадлежат. Говорящий пользуется языком; язык не его. Применяющий логику — частный случай её применения; логика не его. Рассказывающий историю — исполнитель нарративной формы; форма не его. Кристалл — не собственность того, кто в нём живёт.

Отсюда и странность вопроса «когда появилась культура». Появилась как что? Если как вещь, имеющая дату и место, — то датированным её появление не было; датированным может быть только возникновение предмета, а культура — не предмет, а фаза. Фазы не датируются, как не датируется момент, в который вода стала льдом: в микрокристалле её ещё нет, в замёрзшем пруду уже есть, а между — фазовое состояние, в котором вопрос «уже или ещё нет» не имеет чёткого ответа. Вопрос сформулирован так, будто у фазового перехода есть два состояния, соединённые моментом; но сам переход — не момент и не состояние, а смена условий, внутри которой разные стороны выглядят как разные фазы.

Эта внутренняя видимость — не случайный эффект и не ошибка восприятия. Она — форма, в которой фазовый переход существует для того, что оказалось его результатом. Изнутри нельзя увидеть фазовый переход как смену условий: он виден только как «было одно — стало другое». Отсюда устойчивое ощущение, что у произошедшего был момент, а у момента — автор. Но момент и автор — реконструкции, сделанные изнутри уже полученной структуры; снаружи, если бы существовала такая позиция, не было бы ни момента, ни автора — была бы только смена условий, при которой у процесса не осталось другой устойчивой формы, кроме той, которая теперь есть.

## 1.4. Трансформация, а не встреча

Было принято считать, что есть два состояния. До культуры — субстрат без неё: мозг, тело, сложное поведение, но без языка, без символической деятельности, без того, что позволяет говорить о «мышлении». После — субстрат с культурой: всё то же плюс речь, рефлексия, ощущение «я», способность стоять в стороне от ситуации. Между этими двумя состояниями — момент перехода, в который первое стало вторым. Картина удобна и ошибочна.

Удобство картины — не случайность. Это естественный способ, которым структура мысли, работающая различениями, описывает что угодно: берёт два состояния и момент между ними. Такая схема прилагается ко всему — к рождению, к научению, к наступлению зрелости, к любому переходу. И пока её применяют к тому, у чего действительно есть две стороны и наблюдатель, различающий их, — схема работает. К кристаллизации культуры она приложена изнутри самой кристаллизации, и именно это делает её неприменимой здесь, не лишая её применимости в других местах.

Она удобна, потому что позволяет рассуждать о культуре как о вещи, которой «обзавелись». Ошибочна — потому что такой вещью культура не является, и «обзавестись» ею никто не мог. Картина двух состояний, соединённых моментом, — реконструкция, сделанная изнутри уже кристаллизовавшейся структуры. Снаружи, если бы существовала такая позиция, никаких двух состояний не было бы — было бы одно: процесс различения, проходящий через смену фазы.

Смена фазы и смена предмета — разные вещи. Когда вода становится льдом, предмет не меняется: это те же молекулы воды, в той же совокупности, с теми же атомами. Меняется форма их существования. Субстрат и состав — те же; организация — другая. Вода не «получила» лёд; вода стала льдом. Точно так же процесс, достигший порога рекурсии, не получил культуру извне. Он стал культурным процессом. Субстрат — тот же. Процесс — тот же. Фаза — другая.

Это не лингвистическая тонкость. «Получил» и «стал» — описания двух разных онтологий. «Получил» предполагает двух участников: того, кто даёт или обладает, и того, кто получает. Есть сцена передачи, есть передаваемое, есть позиция, снаружи которой находится передающая сторона. «Стал» не предполагает двух участников. Есть один — и он меняет форму. Сцены передачи нет. Внешней стороны нет. Есть процесс и его состояния.

Отсюда видно, почему «получил культуру» — не более мягкая формулировка «стал культурным», а другое утверждение. «Получил» оставляет культуру отдельной — чем-то, что существует независимо от субстрата и может быть им приобретено или утрачено. «Стал» утверждает противоположное: нет отдельной культуры, существующей помимо процессов, в которых она разворачивается. Есть процесс — и фаза этого процесса. Между «получил» и «стал» — различие того же масштаба, что между «вода получила лёд» и «вода стала льдом»: одна из этих фраз не значит ничего, вторая — описывает, что произошло.

Не встреча двух — трансформация одного. Субстрат не встретил культуру. Культура не была вещью, идущей навстречу. Произошло единственное: процесс, идущий в субстрате, перешёл в другую фазу. То, что с одной стороны этого перехода выглядит как «появление культуры», с другой стороны выглядит как «появление символического субстрата». Одно и то же, рассмотренное с двух сторон. Не потому, что это две действительно разные стороны, а потому, что изнутри перехода иначе его увидеть нельзя.

Кажется, что две стороны — две независимые характеристики одного события, которые можно было бы описать и по отдельности. Но они не независимы. Они — один и тот же факт, увиденный с двух точек, обе из которых находятся внутри того, на что смотрят. Извне, если бы такая позиция была, не было бы ни «появления культуры», ни «появления символического субстрата» — был бы только переход процесса в другую форму. Формулировка «с двух сторон» — уже внутреннее видение; внешнее видение таких формулировок не содержит.

У фазового перехода в этом месте есть два имени, и оба описывают одно и то же. С одной стороны — реальность обрела рефлексию. Процесс различения, свернувшийся в операционную структуру, теперь может быть направлен на сам процесс различения: знак о знаке, мысль о мысли, видение о видении. Реальность, устроенная как самореферентный процесс, получила субстрат, в котором эта самореферентность стала выполняемой операцией.

«Рефлексия реальности» здесь — не метафорическое выражение. Это буквально то, что стало возможно: реальность, устроенная как наблюдение, применённое к самому себе, получила субстрат, в котором такое применение может быть операцией, а не только структурным свойством. Не новая способность мира — реализация того, чем мир уже был устроен. Раньше самореференция была онтологическим рисунком; теперь она стала ещё и действующим механизмом, протекающим через материал.

С другой стороны — субстрат обрёл иллюзию авторства. Внутри субстрата теперь происходит то, что раньше происходило только в ситуации; изнутри это прочитывается как «у меня появилось мышление», «я теперь могу», «это мои операции». Появляется центр, которому всё происходящее кажется принадлежащим.

Этот центр — не отдельная добавка, заведённая параллельно с символической операцией. Он — то, как символическая операция выглядит изнутри субстрата, в котором разворачивается. Направленный вовне, процесс ощущается как восприятие; направленный на сам себя — ощущается как кто-то, кто это делает. «Кто-то» — не отдельная фигура; это ощущение было не дополнением к рефлексии, а её формой.

Эти две стороны — не последовательность событий. Они произошли одновременно, потому что это одно и то же событие, взятое с двух сторон. Нельзя было сначала обрести рефлексию реальности и потом — иллюзию авторства субстрата; нельзя было сначала — иллюзию, потом — рефлексию. Структура появляется сразу со всеми своими сторонами; у одного фазового перехода не бывает хронологии внутри.

С одной стороны кажется, что произошло нечто великое: реальность обрела способность себя видеть. С другой — нечто трогательно-нелепое: субстрат решил, что это он видит. И обе стороны — правда. Великое и нелепое — не противоречие, а фигуры одной кристаллизации, увиденные из разных точек внутри неё. Нежность этой книги к субстрату — отсюда: кто ещё мог подумать, что видит, кроме того, через кого реальность впервые увидела себя.

Теперь — уточнение, звучащее парадоксально и снимающее парадокс сразу. Кристаллизация — не событие. Точнее: то, что обычно называют событием, предполагает внешнего наблюдателя, способного сказать «до — так, после — иначе». У кристаллизации культуры такого наблюдателя нет. Нет позиции, внешней по отношению к кристаллизовавшейся структуре, потому что всё, что позволяет оформить понятия «позиция», «до», «после», «событие», — продукт этой же структуры. «До» возможно как «до» только после. «Событие» различимо как «событие» только изнутри системы, различающей события.

Отсюда — странное ощущение, которое иногда описывают поэтически, а иногда хотят развеять: ощущение, что культуры не начиналось. Это не мистическое переживание. Это логическое следствие того, что «начало» — категория, появившаяся вместе с тем, чему приписывается начало. Внутри структуры, различающей «было не так, стало так», начала, конечно, есть — и у культуры, как и у всего остального, есть своё осязаемое начало. Но это начало — не событие в реальности; это след структуры, проложенный по реальности, в которой событий как таковых ещё не различалось.

Эти начала рассказываются: у языка — происхождение, у мышления — историческая эпоха, у культуры — этапы. Истории о начале — часть самой кристаллизации, одна из форм, в которые свёртывается рефлексия. Рассказать историю начала — значит разместить событие на оси «до/после», а эта ось сама существует только благодаря тому, что произошло. Это не делает истории ложными — внутри структуры они истинны; это делает их внутренними. У фазового перехода такой истории нет; есть только истории о нём, рассказанные после него из него же.

Отсюда же — устойчивость иллюзии авторства. Кристаллизация была не встречей двух, а трансформацией одного; у трансформации одного не бывает автора, потому что автор — тоже продукт той же кристаллизации, что и всё остальное. Автор — фигура, складывающаяся внутри структуры, как складываются «субъект», «объект» и «действие»: нужная конфигурация для того, чтобы процесс работал. Но изнутри структуры эта фигура не читается как конфигурация процесса — она читается как тот, кто ведёт процесс. Это прочтение — сама устойчивая форма, в которую сворачивается рефлексия, когда она направлена внутрь.

Иллюзия не добавилась к реальности — иллюзия есть часть того, как реальность стала отражать саму себя. Не лишняя складка, от которой можно отчистить картину: необходимая сторона того, что произошло. Поэтому её нельзя снять изнутри. И поэтому фигура «я», уже различимая в этом общем плане, требует собственного разбора: ведь если фазовый переход уже произошёл, у него остался один вопрос, на который внутренний ответ всегда неверен.

Иллюзия авторства — не аналог обмана. В обмане есть тот, кто обманывает, и тот, кто обманывается; здесь нет ни того, ни другого. Обманывающий и обманываемый совпадают в одной фигуре, а сама фигура произведена тем же процессом, который ею себя не видит. Это не обман — это устройство: так самореферентный процесс выглядит изнутри субстрата, в котором он развернулся. «Иллюзия» здесь берётся в строгом смысле: несовпадение того, чем фигура является, с тем, чем она себя считает.

*У кристаллизации нет изобретателя. У фазового перехода нет автора. Не было приобретения — было сворачивание; не было открытия — было оформление того, что при этой сложности могло удержаться только так. Процесс остался тем же; форма его существования стала другой.*

*Лёд, который не решал возникнуть, лежит на своей поверхности и преломляет свет. Никто не подписал его работу. Никто не может её оспорить. Устойчивая форма — та, которая оказалась устойчивой. Больше за этим ничего не стоит.*

*Одна несимметричность остаётся. Лёд не думает о себе. А то, что кристаллизовалось здесь, думает — и думает о себе как о чьей-то собственности. Внутри кристалла, у которого нет автора, возникла фигура, которой этот кристалл кажется принадлежащим. Откуда.*

## Глава 2. Как указатель стал автором

*Фигура, присутствующая при каждой операции сознания, одним этим присутствием получает вид причины. Но из соупутствия причинность не выводится. Именно здесь — шов, незаметный переход от «всегда рядом» к «исходит от меня». Не логическая ошибка в обычном смысле — ошибок такого рода процесс не совершает. Скорее конфигурация, в которой фигурант каждого акта неизбежно считывается как его источник.*

*Процесс, кристаллизовавшийся в культуру, обзавёлся моделью отдельного агента. Модель была нужна — без неё субстраты не могли различаться между собой, координация срывалась в ближайшей точке встречи. Модель получила имя. Имя получило адрес. Адрес стал тем, что постоянно проходит через каждую операцию и, стало быть, кажется её хозяином.*

*Усомниться в этой фигуре изнутри нельзя: усомниться может только она сама, и сомнение лишь подтвердит её присутствие. Снять её снаружи субстрат тоже не может — снаружи субстрата субстрата нет. Остаётся посмотреть на устройство шва.*

*Палец, указывающий на луну. Смотрят на палец. Палец тоже смотрит — на себя. Не от того, что ошибся: от того, что устроен так, что не может иначе.*

### 2.1. Зачем процессу «я»

Кристаллизация не оставила после себя субстрат с новыми внутренними свойствами. Она оставила субстрат, встроенный в процесс, которому теперь нужна разметка. Любая операция культурного процесса — разговор, соглашение, совместное действие, передача навыка — предполагает, что в ней участвуют различимые позиции. Без позиций операция не складывается. И позиции эти должны быть не только у других: та же разметка должна ложиться на субстрат изнутри, иначе участие обрывается. Из этого — вопрос, на который «я» отвечает ещё до того, как субстрат его для себя формулирует: чем должен быть тот, через кого идёт речь, чтобы речь вообще шла?

Субстраты взаимодействуют. Это не утверждение, требующее доказательства, — начальное условие, из которого идёт всё дальнейшее. Тело производит различие рядом с другим телом; действие сталкивается с другим действием; устойчивая линия поведения одного субстрата пересекается с устойчивой линией другого. Без разметки эта встреча неразличима: где кончается один источник сигнала и начинается другой, какой жест принадлежит какому телу, какое намерение продолжает какое. Разметка здесь — не удобство, а условие возможности. Если субстраты взаимодействуют, они должны различаться; если различаются, должны быть различимы друг для друга — иначе нет координации, а есть только случайное сложение траекторий.

Это различие выполняет не абстрактный наблюдатель со стороны. Его выполняет сам процесс — в каждом субстрате, про каждый субстрат, включая тот, в котором сейчас разворачивается операция различения. Отсюда — необходимость модели. Нужно не только различать других как отдельные источники, но и различать самого себя как один из таких источников. Без этой симметрии разметка обрывается: если каждый субстрат видит других как отдельных агентов, а себя — как неразличённый фон, координация становится невозможной в обратном ходе — другие не могут ориентироваться на тебя, пока ты сам не вступишь в схему как отдельная позиция. Асимметричная разметка — это разметка, которая не работает.

Код «я» — инструмент этой работы. Он собирает вокруг одного тела устойчивый ориентир: «это действует, это помнит, у этого намерения, это отвечает за свои действия перед другими такими же». Ориентир — не отражение какой-то уже существовавшей внутренней

реальности. Он строится из того материала, который нужен для координации: границы тела, непрерывность поведения во времени, различимость мотивов, способность удерживать обязательство. Каждая из этих функций полезна ровно постольку, поскольку делает субстрат навигируемым — для других и для самого процесса, ведущего через него свою работу.

Стоит рассмотреть эти функции ближе, чтобы видеть, что именно собирает ориентир. Память — не склад впечатлений, а механизм связности: без неё субстрат не удерживает договорённостей, а значит, не может вступить в долгосрочное взаимодействие. Намерение — не внутреннее состояние, а предсказуемость следующего шага для других; именно потому чужое намерение мы читаем по его поведенческим признакам, а не по его внутренней природе, которой для нас нет. Обязательство — не моральная категория, а операция времени: договор, заключённый сейчас, должен быть исполнен позже тем же самым субстратом; чтобы это было возможно, нужна позиция, тождественная себе между двумя моментами. Всё это — конструкция. И всё это прочитывается субстратом как «то, что во мне есть», хотя на деле это то, чем субстрат стал, будучи размечен для участия во внешнем процессе.

То, что код «я» затем начинает ощущаться как «открытие внутреннего мира», — отдельный поворот. На этом шаге важно зафиксировать: никакого открытия не происходит. Происходит построение. Инструмент собирается под задачу. Задача — не интроспекция, не поиск истины о себе, не обнаружение глубины. Задача — сделать субстрат подходящим участником взаимодействия, в котором он уже, фактически, участвует, но ещё не различён в нём как отдельная единица. «Я» появляется как ответ на вопрос, который носитель сам себе не задаёт — задаёт процесс координации, идущий через множество таких носителей. Ответ адресован не самому телу; он адресован конфигурации, в которой тело стоит.

Отсюда странность, которую обычно пропускают. «Я» не возникает из внутреннего самонаблюдения. Оно возникает из внешней координации — и только потом, в каждом конкретном субстрате заново, прочитывается как внутреннее. Взгляд снаружи, падающий на тело и возвращающийся в него в виде различаемой позиции, — вот материал, из которого складывается ориентир. То, что субстрат впоследствии называет «моим внутренним миром», — обратная проекция этой внешней разметки. Сначала — адрес для других; потом — ощущение адресата изнутри. Порядок обратный тому, в котором об этом обычно думают, и именно поэтому интроспекция не может увидеть свой собственный источник: смотрит в ту сторону, где его нет.

Откуда тогда берётся стойкое ощущение, что «я» — первое, а всё остальное разворачивается из него? Оттуда же, откуда ощущение, что земля неподвижна, а солнце ходит по небу: оно строго соответствует точке, из которой выполняется наблюдение. Изнутри субстрата разметка, наложенная на него снаружи, неотличима от его собственного внутреннего устройства — просто потому, что никакого отдельного внутреннего устройства, с которым её можно было бы сверить, нет. Есть только размеченная позиция, из которой всё остальное и выглядит вторичным. Первичность «я» в собственном опыте — не свидетельство о его онтологическом первенстве, а артефакт того, что опыт вообще разворачивается из этой позиции.

И тогда становится видимым онтологический статус «я». Это не сущность. Это указатель. «Я» стоит в одном ряду с «здесь», «этот», «сейчас» — со всеми дейктическими формами языка, которые не имеют собственного содержания, а работают как ориентиры, наполняющиеся смыслом из ситуации. «Здесь» не содержит в себе никакого места — оно обозначает точку, в которой произнесено. «Этот» не содержит в себе никакого предмета — оно обозначает то, на что указано. «Я» не содержит в себе никакой сущности — оно обозначает ту позицию, из которой идёт речь. Разница между «я» и остальными дейктиками только в одном: остальные ориентиры читаются как пустые, а этот — как полный. Но пустота у них одна и та же.

Полнота «я» — не его содержание. Это плотность, накопленная вокруг указателя: биография, память, обязательства, линия телесного существования, узнаваемый для других рисунок поведения. Всё это — нагрузка на адрес, а не сам адрес. Можно снять часть нагрузки —

субстрат теряет память, меняет имя, переходит из одной социальной конфигурации в другую — и «я» продолжает работать, потому что работает не накопленное, а сама функция указания. Нагрузка меняется; указатель остаётся на месте, пока продолжается координация, ради которой он построен. Можно сменить биографию целиком, и указатель уцелеет. Нельзя убрать саму координацию — и только тогда «я» исчезает, потому что исчезает то, чем оно было.

Социальный адрес, не метафизическая сущность. Формула компактная, но каждое её слово удерживает определённую границу. Социальный — потому что возникает из взаимодействия, не из интроспекции. Адрес — потому что указывает на позицию, не описывает содержимое. Не метафизическая — потому что за указателем не стоит особого рода бытия, иной природы, чем остальные процессы в субстрате; есть только сам процесс и его разметка. Не сущность — потому что устойчивость «я» дана функцией, а не скрытой субстанцией, которая удерживалась бы за всеми изменениями и гарантировала тождество.

Дейктики языка не требуют объяснения, пока ими пользуются по назначению. Никто не спрашивает, что такое «здесь», пока «здесь» работает как ориентир. Спрашивают, когда начинают смотреть на сам указатель вместо того, на что он указывает. С «я» происходит ровно это. Ориентир работает хорошо — так хорошо, что субстрат перестаёт замечать его функциональную природу и начинает присматриваться к нему как к отдельному предмету. Ищет в нём содержание. Находит — потому что всё, что происходит в субстрате, происходит «рядом» с этой позицией, и это соседство ретроспективно считывается как принадлежность. Ориентир превращается в имущество, а потом и в собственника имущества.

Разница между указателем и собственником — не количественная. Собственник не отличается от указателя «плотностью», «глубиной» или «внутренним содержанием», накопившимся сверх минимальной функции. Отличается приписанным направлением причинности. Указатель получает смысл из того, на что указывает; собственник считает, что предмет получает смысл из того, кому он принадлежит. Когда «я» остаётся указателем, через него проходят мысли, чувства, действия, и их источник — процесс; «я» лишь позиция, в которой они становятся различимы. Когда «я» прочитано как собственник, всё то же самое — мысли, чувства, действия — начинает считываться как исходящее из него. Наблюдаемое не изменилось. Изменилось то, куда указывает стрелка. И поскольку стрелка — часть самой фигуры, эта перемена ощущается не как интерпретация, а как самый прямой опыт.

Но это — следующий шаг. На этом шаге «я» ещё удержано как то, что оно есть: инструмент. Не хозяин операций — место, в котором операции становятся различимы для других субстратов, ведущих тот же процесс. Не центр сознания — точка согласования. Не автор — координата. Функция, построенная процессом и встроенная в субстрат для того, чтобы процесс мог идти через множество субстратов, не распадаясь в ближайшей точке их встречи.

## 2.2. Подмена

«Я» присутствует при каждой операции сознания. Всегда рядом. Во всяком мышлении, восприятии, воспоминании, решении, сомнении, отказе от решения. Ни одна операция не разворачивается в стороне от этой позиции; любой акт, которому можно дать имя, получает заодно и приписку: «это сделал я». Рассматриваешь облако — «я смотрю на облако». Вспоминаешь вчерашний разговор — «я его вспоминаю». Прерываешь цепочку мыслей — «я прервал». Во всех случаях позиция, с которой разворачивается операция, помечается именно этим указателем, и эта пометка кажется неизбежной — потому что другой пометки у операции изнутри нет.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.